

Ольга ХОМИЧ-ЖУРАВЛЕВА

г. Анапа

Призраки СКАЛЫ

рассказ

*Тот, кто рождён был у моря,
Тот полюбил навсегда
Белые мачты на рейде,
В дымке морской города,
Свет маяка над волною,
Южных ночей забытьё,
Самое синее в мире
Чёрное море моё...*

М. Матусовский

Безмерно потрясающий сегодня был закат! Просто необыкновенный!

Уже давно каждый уход пламенной звезды за кромку моря она провожала как последний в своей жизни. Проснётся ли утром, подарит ли ей судьба ещё один день или, наоборот, накажет им — ей уже было не важно. Рубикон, где Софья Ивановна предьявляла претензии миру, оставлен далеко позади, и теперь она просто пыталась достойно выжить — именно «достойно».

— Тот, кто рождён был у моря... — тихонько напевала бомжиха, кутаясь в огромную, ниже колен, камуфлированную куртку на синтепоне, подаренную ей на рынке сердобольным продавцом и уже второй год спасающую её от холода:

*Море в далекие годы
Пело мне песни, как мать.
Море меня научило
Грозные бури встречать.
Дорог мне кубрик матросский,
Скромное наше жильё —
Самое синее в мире
Черное море моё.*

Какие простые проникающие в душу слова, словно написаны о ней — рождённой у Чёрного моря...

* * *

Она появилась на свет вместе с песней — почти одновременно. Ну разве что Софья Ивановна — немного раньше. А в детстве все вокруг напевали незатейливый, но такой родной мотив. Кто бы мог подумать, что песня пройдёт лейтмотивом через всю жизнь Софьи Ивановны, которая родилась в Анапе и жила здесь всю жизнь. Сначала — трудное военное и послевоенное детство, затем — юность.

Окончив Краснодарское музыкальное училище по классу вокала, Софья Ивановна устроилась на работу в детскую здравницу родного города, затем в круглогодичный санаторий работником культмассового сектора, где и проработала до самой пенсии. Культмассовиком она была замечательным, часто получала грамоты, благодарности и дипломы. Как она любила петь!.. И умела заразить окружающих своей любовью к песне! Какие она устраивала концерты самодеятельности в санатории! И дети, и взрослые, разъезжаясь в разные уголки необъятной страны, увозили в памяти мелодичные песни о Чёрном море и теплые воспоминания об интеллигентной, словно не от мира сего, Софье Ивановне, живущей в особой вселенной под названием «Творчество».

И всё у неё было как у людей. Муж — мастер на железобетонном заводе, сын вырос и успешно окончил школу, институт, завел семью, уехал на постоянное место жительства в Израиль — на историческую родину своей жены.

* * *

Бомжиха вздохнула. И зачем эти непрощённые воспоминания? Мотнув головой, она побрела к санаторию, — туда, где под стеной старинного здания (ныне — столовой) отдыхающие и работники оставляли пластиковые мисочки с едой для пушистых любимцев. Рядом возлежали разномастные кошки, уже устроившиеся на ночлег на тёплом коллекторе. Одна из них, бело-рыже-чёрная кошка, встрепенулась, с криком «мя-я-я!» бросилась навстречу Софье Ивановне и принялась ластиться.

— Лизонька, девочка моя, как я рада тебя видеть! — схватив на руки, бомжиха прижала к груди громко мурчащую кошку, а затем, нежно приложив щеку к тёплой шерстяной щёчке, зашептала то, что произносила при каждой встрече: — Прости меня, Лизонька, прости, девочка, только ты у меня осталась...

Затем, осторожно спустив кошку на асфальт, Софья Ивановна подобрала пластиковую тарелку с остатками котлеты и пюре, села на бордюр, вытянув ноги в чёрных сапогах-дутьях, достала пластмассовую ложку и принялась медленно трапезничать под громкое мурчание Лизоньки, которая успела уже развалиться на её коленях. Остальные кошки вяло наблюдали за тем, как человек поглощает их пищу. Они уже привыкли делиться с Софьей Ивановной, а та подозревала, что кошки специально оставляют ей часть еды в конце месяца, когда крохи пенсии заканчивались и для неё начиналось голодное время.

В лучшие дни, когда Софье Ивановне удавалось самой раздобыть съестного, она приносила его кошкам и каждую угощала, следя, чтобы никого не пропустить.

Пенсии Софье Ивановне хватало еле-еле, а зимой и вовсе становилось туго, — чтобы не погибнуть на улице от холода, ей приходилось снимать дешёвую комнатку у сердобольной владелицы мини-гостиницы.

На набережной было пусто. Зима, по счастью, выдалась тёплой, и сегодняшний февральский день был тем самым так называемым «окном», когда холод отступал и на улице было почти двадцать градусов тепла.

Стало совсем темно. Безлунное чёрное небо начало по одной выпускать звёзды. Софья Ивановна очень любила этот момент откровения вселенной — когда целые созвездия проступали на чёрной глади неба. А вот и созвездие Ориона. Муж, гуляя с ней по набережной зимними вечерами, часто показывал именно его, рассказывая о каждой звезде. Они стояли в обнимку, и им сияли светила загадочной вселенной. Может, где-то там, на Орионе, обитает теперь его душа?..

* * *

Муж умер, не успев выйти на пенсию, прямо на работе — от инфаркта. Софья Ивановна осталась совсем одна. Ну, почти одна. Кошка Лизонька скрашивала её унылые будни, да и то часто пропадала неизвестно где, обременяя свою хозяйку на одинокие вечера перед телевизором. Сын Софьи Ивановны уже несколько лет не подавал о себе весточки. Поначалу она ещё пыталась писать ему, но письма возвращались со штампом «адресат неверен». В милиции отмахивались от назойливой пожилой женщины, говоря, что не в их компетенции искать иностранных граждан.

Не прошло и месяца после смерти мужа, как грянула новая беда. Софья Ивановна осталась без жилья. Некто уже длительное время скупал соседние дома. Мужчины в элегантных костюмах приходили и к Софье Ивановне, предложение делали заманчивое — поменять её дом в центре, возле Краеведческого музея, на квартиру в новостройках на краю города. Конечно же, она отказалась. А куда сынок вернётся, если приедет? Так и потеряются они окончательно, тем более Софья Ивановна вышла на пенсию... Где сыночек будет её искать?..

Однажды осенью к ней пришли судебные приставы и сказали, что согласно постановлению суда её дом описан, к тому же дважды продан, и ей нужно освободить его в двадцать четыре часа. Софья Ивановна повертела в руках бумагу с непонятным содержанием и, решив, что всё это какая-то ошибка, качая головой, ушла в дом.

А на следующее утро к ней заявила бригада рабочих. Здоровые молодцы, изъясняясь на ломаном русском, потребовали освободить чужое помещение. Ничего не понимая, Софья Ивановна начала складывать свои вещи в два баула. А тем временем молодцы бесцеремонно вышвыривали на улицу мебель — падая, она разбивалась, кололась, превращаясь в хлам.

Весь день Софья Ивановна в оцепенении провела на руинах вещей. Буря эмоций и отрицания абсурдной действительности всколыхнула волны безумия в усталом мозгу по-

жилой женщины. Она сидела в кособоком кресле с отлетевшей ножкой, качаясь из стороны в сторону и глядя в одну точку, бесконечно пела: «Море меня научило грозные бури встречать... Море меня научило грозные бури встречать...» А мимо проходили редкие прохожие и с подозрением косились на странную женщину, больше похожую на городскую сумасшедшую.

Наступила ночь, Софья Ивановна накинула на себя одеяло, да так и забылась до утра, пока её не разбудили два полицейских:

— Это что вы себе тут позволяете? Сейчас же хлам с улицы убрать. Это вам курортная зона, а не хлев какой-нибудь.

— Ой, вот вы-то мне и нужны, — встrepенулась Софья Ивановна. — Меня из дома выгнали, вот ещё и бумагу дали липовую. Что делается-то?

Полицейские изучили документ, переглянулись и с сочувствием пожалы плечами:

— Тут всё верно — по букве закона. Шли бы вы отсюда, Свиридова. Не ваш это больше дом.

— Куда мне теперь?.. Идти-то куда? — растерянно прошептала женщина вмиг осипшим голосом.

— Ну, не знаю. К родственникам идите.

— А у меня и нет никого.

— Идите в собес или ещё куда — это не наше дело, но чтобы через час вас здесь не было.

Конечно, сначала у Софьи Ивановны началась паника. Куда ей деваться? А вещи? Ну, ладно мебель — старая уже, а одежда, постельное бельё, посуда? И обратиться-то не к кому. Соседей нет. На работе за пять лет пенсии её уже и забыли, наверное. Друзей как-то тоже не нажила. И Лизонька пропала: как начали вещи выбрасывать — пулей выскочила из дома... «Где она теперь, кошечка моя?» — растерянно думала Софья Ивановна.

Куда теперь идти? И тут она вспомнила, что ещё девчонкой ползала в схрон между скалами на высоком берегу за городом. Времена были тяжёлые, послевоенные, и, пока родители работали в совхозе за трудовни, она после уроков уносила с мальчишками на скалистый берег, за Лысую гору, в поисках приклю-

чений. В те далёкие годы входы в тоннели были почти по всему берегу — вот и ползали в них. Некоторые пещеры рукотворные — там добывали камни для строительства, некоторые — естественные. Но эта расщелина в скале только со стороны казалась причудой природы. Внутри — сводчатый потолок, абсолютно ровные гладкие стены и такой же ровный пол, присыпанный песком. От входа до спуска в глубину скалы был коридор длиной метров десять, а шириной метра три, он резко уходил крутыми ступенями вниз. Маленькая Соня ни разу так и не решилась посмотреть туда, в чёрную бездну, где, гулко отдаваясь, гасло эхо детского голоса. Мальчишкам тайную пещеру Соня не показывала. Это было её убежище во время игр в прятки, — её схрон, сказочный дворец, в недрах которого забывались голод, разруха и полное лишений полунищенское существование.

Соня выросла и забыла о пещере — началась пора экзаменов, потом работа, замужество — поползла рутина обыденной жизни. В течение времени большинство из расщелин и пещер завалили, засыпали, застроили. Но тот схрон, что она когда-то нашла за Лысой горой, почему-то остался, словно никто не видел тонкой полоски чёрного лаза.

Однажды много лет назад Софья Ивановна даже ночевала там, когда муж пришёл домой по обыкновению пьяный и первый раз ударил её. Рыдая, она убежала на край крутого обрыва, начала спускаться к морю по козьей тропе почти отвесной скалы. И как только тогда не свалилась в пропасть? Но буквально по наитию оказалась в своём детском убежище, находившемся почти в центре спуска.

И на этот раз Софья Ивановна без труда нашла расщелину, спустилась на сухошавах ногах по узкой тропинке практически отвесной скалы. Необъяснимая игра теней скрывала лаз от внимания людей, и только она могла найти вход в расщелину даже с закрытыми глазами.

Тяжело дыша, Софья Ивановна забросила баул с вещами и привязанным к нему одеялом и подушкой внутрь, а затем сама свалилась в пещеру. Упасть в пропасть не боялась — хуже,

чем теперь, всё равно не будет. А так — лёгкий выход...

В пещере сухо и очень холодно — всё как в детстве. Разве что страшный спуск в глубь скалы теперь был слегка завален обвалившимися после землетрясений скальными породами стен, хотя ступени ещё видны.

За несколько раз, безрассудно и равнодушно рискуя жизнью, она перенесла всё необходимое в расщелину. Последнюю сумку с жалкими крохами посуды она уносила, когда обломки мебели уже сгружали в самосвал. Посмотрев на забор своего бывшего дома, сиротливо поёжилась и поспешила в пещеру — в новое убежище. По пути купила пирожков и минеральную воду без газа.

Сидя в каменном схроне и глядя на закат, женщина судорожно всхлипывала, по её щекам потоком текли слёзы, подсаливая пирожок с картошкой, который Софья Ивановна жевала, не чувствуя вкуса. Одно она понимала: жизнь кончилась — окончательно и бесповоротно.

— Ну, вот и всё, вот и всё, — шептала Софья Ивановна, ощущая, как волна безумия вновь начинает затягивать её сознание.

Но в какой-то момент некто в ее мозгу вдруг во весь голос крикнул: «Нет!», заставив её вздрогнуть и прийти в себя. А голос начал упрямо твердить: «Нет, это просто другая жизнь. Ты выдержишь! Ты выступишь! Надо только выработать стратегию! Ты сильная, ты всё сможешь!» И неожиданно для самой себя амёбообразная слабовольная женщина согласилась с голосом, молчавшим до сих пор. Будто некто вдруг ожил в ней, словно вставил стержень в позвоночник, который вмиг растянутой пружиной распрямил её сутулую спину. Она подскочила, вытянулась, словно готовясь идти на амбразуру... Проводив окаменевшим взглядом закатный красный отсвет ушедшего солнца, встретив звёзды и луну своей первой бездомной ночи, Софья Ивановна сжала зубы, погрозила кулаком в пустоту, произнеся неизвестно кому: «Не дождётесь!»

Так началась уличная жизнь новоиспечённой бомжихи.

* * *

Самыми страшными были первые дни на улице. Ноябрь не лучшее время года для прогулок по городу. Промозглая осень едва не убила Софью Ивановну. Пещера, в которой она теперь ночевала, была ледяной, и от холода не спасали ни тёплые вещи, ни одеяло. Женщину трясло от озноба. В голодном полузабытьи она лежала под ворохом вещей, и её полубезумный взгляд фиксировал смену дня и ночи. Только один вопрос она твердила, пытаясь выбраться из лабиринта безысходности: «Что же теперь делать?» А делать что-то надо!

На третью ночь к Софье Ивановне пришла Лизонька. Кошка лизнула бомжиху в нос и, клубком свернувшись на её груди, громко заурчала. Тело женщины обдало теплом, и снова хлынули слёзы. Нарыдавшись вволю, Софья Ивановна под настойчивое мяуканье нашла в себе силы вылезти на скалистый берег и вместе с Лизой добрести до Маяка. Кошка подвела её к котам возле столовой санатория.

— Так вот ты где теперь обитаешь, девочка моя. Ну и хорошо, хоть ты пристроена, а главное — сыта.

Лизонька мявкнула, подойдя к огромному рыжему коту, села рядом и с гордостью посмотрела на бывшую хозяйку.

— Лизонька, как хорошо, что ты теперь не одна.

Тогда Софья Ивановна поняла, что и ей пора возвращаться к нормальной жизни: как будто мозги вдруг встали на место и разум подсказал естественный выход из положения — можно снять жильё. При этой мысли пожилая женщина рассмеялась, сказав неизвестно кому:

— Вот так просто. Проще не бывает!

В тот же день кошки впервые накормили оголодавшую женщину. Собравшись с силами, она направилась к своей пещере. Расстояние неблизкое, но ее это не страшило. (Ещё работая на Пионерском проспекте, худошавая женщина никогда не ездила на автобусах, — она с лёгкостью проходила десятикилометровый путь пешком туда и обратно.)

По возвращении в пещеру она с трудом наш-

ла пластиковую карточку в собранных впопыхах вещах, затем дошла до Сбербанка, сняла пенсию и побрела в самый конец города, где были скромные дворы, проситься на постой.

В одном доме на ее стук открыли. На половину пенсии Софья Ивановна сняла крохотную тёплую комнатку в убогой частной гостинице, где, по крайней мере, была горячая вода, плита и даже старенький телевизор. Она взяла из пещеры только необходимые вещи, остальные там и спрятала под обломками скальных пород, забрала к себе и Лизоньку. Так зажили. Софья Ивановна почти не выходила из комнаты, всё время спала или смотрела телевизор, ощущая себя разбитой и больной. Кошка время от времени исчезала. На еду хватало еле-еле, а под конец месяца, когда не оставалось ни копейки, её кормили кошки.

* * *

Так прошло несколько месяцев, и наступила весна. В один из дней хозяйка гостевого дома с виноватым видом попросила постоялицу освободить комнату до осени, при этом не хотя разрешила ей изредка приходить и стирать одежду — не более. Софья Ивановна снова оказалась на улице. Давно она не была в своей пещере. Что ж, надо выдержать. Апрельское солнце почти не прогревало каменный мешок, но на полгода это опять был её дом, надо было смириться.

Под утро к ней приходила Лизонька, и они спали вместе, свернувшись калачиком под одеялом и ворохом вещей, а Софья Ивановна вспоминала добрым словом продавщицу из текстильного магазина, которая когда-то уговорила её купить недорогую новинку — одеяло с силиконовым холлофайбером. И действительно, тонкое одеяльце теперь спасало её и кошку от промозглой ночи. А утром начинался новый день.

Поначалу с утра и ближе к вечеру она ходила умываться в городскую поликлинику. Глядя в зеркало, Софья Ивановна не узнавала себя в исхудавшей женщине, смотревшей на неё из глубины зазеркалья. Но и положительный мо-

мент был — она выглядела как будто моложе. Пожилая женщина попробовала улыбнуться, чтобы сменить страдальческую гримасу на привычное многим людям выражение лёгкой самодостаточности на лице.

Увы, через неделю уборщица пожаловалась начальству, и грубая медсестра необъятных форм выгнала Софью Ивановну на улицу прямо в середине омовения, пообещав сдать «бомжару» в полицию. Обидно было до слёз, тем более что во время этого позорного изгнания пациенты поликлиники смотрели на неё, мокрую и полуодетую, со смесью жалости и брезгливости. «Никогда и никто больше не посмотрит на меня с таким презрением!» — решила тогда она.

После этого случая Софья Ивановна выработала для себя целый свод правил, в котором главным постулатом было следующее: на улице надо всегда быть чистой. Теперь раз в неделю она непременно ходила в баню. В поликлинику и больницу вход для неё был заказан, так как медперсонал быстро вычислял бомжей, не давая им «пачкать медицинское учреждение».

Однажды дождливым утром Софья Ивановна забрела в библиотеку. Оттуда её не только не выгнали, а, напротив, отнеслись очень доброжелательно. О, теперь она была предельно осторожна. Каждое утро Софья Ивановна ходила то в одну, то в другую библиотеку города, подозревая, что прозорливые сотрудники уже давно её вычислили, но деликатно не подавали виду, давая бомжихе шанс остаться в социуме, и она в душе была им очень благодарна.

Пожилая женщина для приличия брала какую-нибудь книгу и делала вид, что читает. Спустя некоторое время она шла в туалетную комнату, где чистила зубы, обтирала тело и снова возвращалась к книге за стол. Так можно было протянуть часа четыре. Раньше Софья Ивановна читать не любила. Вот пение — это её стихия. Но сидеть и просто смотреть в книгу — глупо как-то. И она начала читать. Постепенно новая явленная читательница так втянулась в процесс, что даже стала брать книги, как говорится, «на дом». Днём, когда

было тепло, Софья Ивановна садилась в теньке в сквере и не спеша погружалась в чтение. В дождливые дни она просто переходила от библиотеки к библиотеке — и почитать, и поговорить о книгах с людьми, чтобы совсем не забыть человеческую речь. В выходные там было интересней — всегда проходили какие-то мероприятия.

Был ещё клуб пенсионеров, где Софья Ивановна пыталась зацепиться, начав петь в хоре, но не сошла характером с «хабалками», как назвала она хористок. А дело в том, что, разоткровенничав о своей жизни с новыми знакомыми, в ответ Софья Ивановна получила презрение.

Постепенно она начала заглядывать и в дома культуры города, предварительно узнав, где планируются бесплатные концерты, а их проводилось множество. Тогда на время Софья Ивановна забывала о своём плачевном положении.

* * *

Однажды Софья Ивановна увидела «их». Раньше она совсем не замечала бомжей. В суете прошлой благополучной жизни ей и в голову не могла прийти мысль, что вот здесь, рядом с праздной гуляющей публикой, могут ходить бездомные!

Как-то в конце мая, совершая променад по набережной, она заметила то тут, то там опрятно одетых женщин, мужчин, преимущественно за пятьдесят, которые изо дня в день или сидели на лавочках, или бесцельно бродили, старательно изображая из себя отдыхающих. Именно «изображая» — Софья Ивановна это явственно поняла, ощутив неестественность их поведения. В какой-то момент, когда она их обнаружила, те тоже начали пристально за ней наблюдать. Эта обоюдная слежка походила на фильм ужасов или мистический триллер, так что вечером того дня женщина решила не возвращаться в свою пещеру.

Вечера стояли тёплые, и она побрела по кромке моря в сторону Витязево. Искупавшись в освежающей воде возле речки Можеп-

син, она углубилась в дюны, укутавшись в шаль, там и уснула.

На следующее утро, едва Софья Ивановна добрела до городской набережной, к ней тут же подошли две женщины — так, обычные, ничем не примечательные, среднего возраста, в блузках и юбках — вроде простые горожанки.

Одна из них, кивнув на скамейку, произнесла: — Идём-ка сядем.

Похолодев, Софья Ивановна села на предложенное место, женщины присели по бокам. Издалека могло показаться, что беседуют давние знакомые.

— Бомжуешь, значит? — вздохнула та, что положе.

— Вы о чём? — как можно равнодушнее спросила Софья Ивановна.

— Ой, да ладно прикидываться-то. Мы тебя давно заприметили. Откуда приехала? — усмехнулась вторая.

— Ниоткуда. Я анапчанка.

— Ну, конечно... Ты индивидуалка или щипач¹?

— К мужикам не приставай — наши они. Хотя кто на тебя позарится?

— И воровать не смей — это «бабки» Артурика, поняла?

— Не, если, конечно, платить нам или Артуру будешь, тогда вливайся в дело.

Софья Ивановна вскочила:

— Да вы что, с ума сошли? Никакая я не бомжиха и не воровка, и мужчины мне ваши даром не нужны!

— Ты смотри, фифа какая! Интеллигентка хренова! — с обидой в голосе произнесла молодая. — Можно подумать, нам нужны! Нам «бабки» их нужны — зря, что ли, сюда с севера приехали?

— Мы тебя предупредили! — прошипела старшая вслед уходящей быстрым шагом Софье Ивановне.

* * *

Весна плавно перетекла в лето. С утра Софья Ивановна совершала лёгкую пробежку по берегу, делала нехитрую гимнастику-растяжку,

купалась в море. Затем, купив скромной еды, возвращалась к себе. В пещере стало теплее и даже комфортнее. В жаркий полдень июля Софья Ивановна спасалась от убийственно палящего солнца в своём убежище, читала принесённые книги. Вечером ходила на концерты, которые чередой шли на городской площади. Она повеселела и даже почувствовала себя беззаботной отдыхающей. Бомжи больше не беспокоили ее. И хотя она часто видела их в толпе, между ними словно существовал негласный договор о суверенитете.

Однажды утром она проснулась от того, что Лизонька подскочила на её груди и зло зашипела. Пожилая женщина увидела на фоне входа в пещеру фигуру маленького человека. Навероятно, но кто-то смог найти секретный лаз!

— Фу-ух, живой, кажись, — потирая коленку, выдохнул пришелец голосом ребёнка.

— Ты кто? — спросила Софья Ивановна.

Щурясь и привыкая к темноте пещеры, человек произнёс:

— А ты кто?

— Я здесь живу.

— А я есть хочу.

— Ну, иди, дам немного. Хлеб с водой будешь?

— Ага.

Так в пещере Софьи Ивановны появился ещё один жилец — Серёга.

Нехотя он рассказал о себе, что ему уже скоро одиннадцать лет, что сбежал из детского дома маленького городка, что под Тюменью, и мечтает жить в Крыму, куда теперь и добирается.

— Я в Анапе проездом. Дальше, как будет возможность, в Крым двину. Вот искупаться хотел, да со скалы поехал, не удержался. А ты как здесь оказалась? Тоже в расщелину упала?

Софью Ивановну покорила фамильярность мальчика, которому она годилась в бабушки, но она рассказала ему свою грустную историю. И вдруг осознала, что ничего страшного с ней не случилось — жизнь как жизнь. Серёжа в свои десять и не такого нахлебался.

¹ Щипач — вор-карманник, который совершает кражи одними руками, без дополнительных приспособлений.

— Одного не понимаю: ты бомжиха, а выглядишь как домашняя бабушка... От тебя даже духами пахнет.

— Я тебя, Серёженька, научу, как прилично выглядеть.

— Ага. А деньги откуда?

— Так я же пенсию получаю. Вот, по карточке.

Больше они не откровенничали. По утрам Софья Ивановна с мальчиком выползали из пещеры и расходились в разные стороны. Встречались только вечером. На расспросы пожилой женщины малец не отвечал, и она перестала его вызывать на разговор. Так и молчали. Через два дня мальчик пропал совсем. Наверное, поехал дальше, как и мечтал, — в Крым.

На следующий день после пропажи мальчика Софья Ивановна привычно погуляла по городу и уже возвращалась домой, как в сквере, перед музеем, к ней подошли два неприятных типа. Один бесцеремонно выхватил из её рук сумочку, а второй, приобняв, больно стиснул плечи, зло улыбнулся и процедил сквозь зубы:

— Код сбербанковской карты, живо.

— Мы знаем, что ты пенсию получаешь, — и, как фокусник, достал из её сумочки драгоценную карточку, а с ней и последние деньги этого месяца.

Глотая слёзы, Софья Ивановна пролепетала код. Типы, кивая в такт её словам, записали цифры, вежливо вложили сумочку в руки пожилой женщины и не спеша удалились.

Она в недоумении огляделась. Мимо гуляли беззаботные люди, и никто не обратил внимание, что её ограбили среди бела дня.

Софья Ивановна бросилась в банк, чтобы заблокировать карту, но деньги, которые она копила на зиму, отказывая себе во всём, уже были сняты неизвестными грабителями. Она пролепетала банковским служащим:

— Что делать теперь?

Молодой парень, окинув её взглядом, посоветовал:

— Бабушка, вы можете по старинке получать пенсию — на почте...

Вернувшись в пещеру, пожилая женщина забылась горьким тревожным сном. Её не отпускали мысли о том, какой подлостью отплатил маленький беспризорник за её гос-

теприимство. Никто, кроме него, не знал о банковской карте и о том, что она всё время носит её с собой.

Ближе к рассвету, в тишине сумерек, возле входа в схрон послышался шорох, затем утробный короткий крик и звук упавшего с двухсотметровой высоты тела. Утром раздались вопли первых купальщиков, обнаруживших труп. Люди кричали, что ещё один самоубийца сиганул с обрыва.

Софья Ивановна не выходила из пещеры целые сутки, опасаясь, что кто-то из людей увидит, как она, пожилая женщина, завязав широкую юбку на костлявых бёдрах в узел, ловко карабкается по козьей тропе.

* * *

Предстоял месяц без средств к существованию, но Софья Ивановна с удивлением обнаружила, что эта новость не расстраивает её. Она сидела на набережной и ждала вечера, чтобы впервые за день поесть вместе с кошками. В очередной раз солнце уходило за море — такое любимое и дорогое. И женщина неожиданно для себя звонко запела «Тот, кто рождён был у моря...». На лавочку подседа пожилая пара, и ещё одна, и уже хор голосов подхватил её песню. Когда она допела, ей заплодировали, попросили:

— Спойте, пожалуйста, ещё.

Откуда-то взялась гитара, и вот окружённая большой толпой Софья Ивановна, уже стоя, поёт под переливы струн мужчины в капитанской кепке. Поёт, как когда-то давно на концертах в здравнице, — то плавно разводя руками, то прижимая ладонь к груди... И слушатели хлопают ей в свете зажжённых фонарей.

Постепенно благодарная публика разошлась, оставив в руках Софьи Ивановны несколько купюр. Пересчитав, она с удивлением обнаружила, что в сумме получается даже больше, чем её крохотная пенсия.

— Да ты богачка!

Софья Ивановна вздрогнула. Рядом с ней на скамейку села худощавая женщина с жёванным лицом, одетая почти изысканно — изящная

соломенная шляпка, шифоновая майка и юбка ришелье до пят — отдыхающая как отдыхающая. Но нет, цепкий взгляд глаз-буравчиков выдавал с головой жительницу улиц — бомжиху. С ехидной улыбочкой она продолжала:

— Поделишься, может?

— Делиться не буду — я честно заработала. А вот угостить — угощу, чаем, например, с пирожным, — Софья Ивановна строго посмотрела на попрошайку.

— Ой, да ты разговаривать умеешь, а я думала, только соловьём заливаешься, певица хренова, — ехидно продолжала бомжиха.

— А почему бы мне не говорить? — проглотив хамство, удивлённо спросила Софья Ивановна.

— Да ведь о тебе слухи ходят, что ты призрак. Призрак скалы.

— ???

— Ну, как — днём тёткой оборачиваешься, а вечером растворяешься в скале.

— Что за бред? — ещё больше удивилась Софья Ивановна.

— Бред не бред, а недавно гастролёр, ширмач² из псковских, за тобой в скалу пошёл — думал поживиться чем, да свалился и разбился. Не ты его, чай, столкнула?

— Ты в своём уме? Как я могу кого-то столкнуть? Меня саму от ветра качает. Вот что, угощать тебя не стану. Злая ты. На вот, возьми тысячу, и мы с тобой не знакомы. Поняла? — сурово добавила: — А будешь приставать — по ветру пушу, развею — мокрого места не останется.

Последняя шутка даже понравилась Софье Ивановне, и она неожиданно для себя залилась смехом — впервые за долгое время она хотала, но затянувшийся смех начал переходить в истерику.

— Свят, свят, свят! Точно — призрак! — бомжиха, крестясь, как ошпаренная подскочила и убежала в темноту летней ночи.

* * *

Потекли годы. В среде уличного «бомонда» к Софье Ивановне так и приклеилась кличка «Призрак скалы». Мало того, больше

никто не приставал к женщине, одетой скромно, но со вкусом, в неизменно белых одеждах, с доброжелательным выражением лица и гордо поднятой головой.

Позже, живя на улице, она узнала, что не одна такая — обманутая и выкинутая из собственного дома. Некоторые пострадавшие от законного беззакония ударились в религию и осели на Утрише, примкнув к сектантам, или работали прислужкой в местных гостиницах, при церковных приходах. Кто-то пропал бесследно, подкошенный судьбой. И лишь единицы стойко выносили тяготы жизни бомжа, пытаясь сохранить в себе человека.

Одно Софья Ивановна усвоила твёрдо — надеяться в этом жестоком мире можно только на себя. Странно, но болеть она перестала совсем. И раньше здоровье особенно не подводило энергичную сухошавую женщину, а теперь организм словно мобилизовался, готовый дать отпор любой хвори.

В холодные месяцы межсезонья она всё так же снимала комнаты в частных гостиницах. Хорошо, что в это время они стоят дешево, особенно в курортных посёлках. Софья Ивановна забирала к себе Лизоньку, и они вдвоём переживали холодные времена.

Весной, летом и осенью выжить было проще. Появлялись отдыхающие, а у Софьи Ивановны — возможность дополнительных заработков. Изредка по вечерам она пела — часто, как оказалось, нельзя: к ней начинала присматриваться полиция, фланирующая по улицам города, так что сольные выступления она приберегала на самый крайний случай.

Неожиданно пригодилось её увлечение книгами, особенно — по истории Черноморского побережья. В течение дня она бродила по набережной с книжкой, предусмотрительно надев дорожную широкополую шляпу, найденную на пляже, — ей ни в коем случае нельзя было загорать и обветривать лицо, которое сразу же выдаст её статус бомжихи. Так она сидела и высматривала ещё не загорелых и скорее всего «не охваченных» людей, предпочтительно ин-

2 Ширмач — вор-карманник, использующий различные предметы («ширмы»): плащи, газеты, любые предметы, загораживающие обзор.

телигентных и пожилых. Присмотрев, за символическую плату предлагала им обзорную экскурсию по набережной, городу или по Пионерскому проспекту.

Отдыхающие обычно легко соглашались, и Софья Ивановна увлеченно рассказывала гостям всё, что знала о любимой Анапе. Тогда экскурсанты чуть ли не влюблялись в чудесного гида, угощали её в кафе и благодарили щедрым гонораром. Это позволяло ей откладывать деньги на тяжёлую безденежную зиму. Расставались они добрыми друзьями, бесплатные обеды или ужины ей были обеспечены на несколько дней. А уж она не разочаровывала новых знакомых: с упоением рассказывала о прошлом, настоящем и будущем курортного побережья и, конечно же, пела песни о Чёрном море, о любимом городе.

*Пусть не легка эта доля —
Мне не прожить без неё,
Самое синее в мире
Чёрное море моё...*

* * *

Маяк сиял строгими красными глазами. Из ресторана «Боспор» выбежали хохочущие парень и девушка. Опершись о перила,

преграждающие путь к обрыву, они радостно вопили:

— Смотри, огни баркаса!

— А там огни маяков на буях!

— А там, там — посмотри в небо — это же созвездие Ориона!

Софья Ивановна вздрогнула.

Прошла ещё одна зима на улице. Завтра — весна. Уже завтра. А она выдержала и не сдавалась! В этом году ей удалось прожить в гостинице целых пять месяцев. Сегодня истёк срок, кончилась не только пенсия, но и отложенные летние деньги. Всё дорожает: кризис. Пенсия ожидается только через несколько дней. Снова ледяная пещера станет её домом. Но она выдержит. Выдержит...

Молодёжь, налюбовавшись звёздами, принялась целоваться.

Ухмыльнувшись, Софья Ивановна повернулась лицом к сияющему маяку, улыбнулась, подмигнув ему как лучшему другу, посмотрела на созвездие Ориона и запела во весь голос, вспугнув влюблённую парочку:

— Тот, кто рождён был у моря, тот полюбил навсегда...

Ольга Ильинична ХОМИЧ-ЖУРАВЛЁВА

родилась в Северодвинске.

Пишет прозу, сценарии, тексты для песен.

Печаталась в коллективных сборниках и журналах.

Автор более десятка книг.

Издаёт литературный альманах «Парус».

Руководит молодёжным литобъединением «Авангард».

Лауреат Всероссийского литературного фестиваля-конкурса

«На берегу муз» (2014),

Всероссийского литературного конкурса «Герои великой Победы» (2015).

Серебряный лауреат Международного

Берлинского литературного конкурса русскоязычных авторов

«Лучшая книга года - 2017».

Член Союза писателей России.

Живёт в Анапе.

В журнале «Север» публикуется впервые.

